14 ИЮН 1983

СТРАНИЦЫ 5
ВОСПОМИНАНИЙ

Встречи с Маяковским

Демна ШЕНГЕЛАЯ

★

Приехав в феврале 1926 года в Тбилиси, Владимир Маяковский выступил с докладом о своей поездке по Америке и читал новые стихи, написанные им за границей.

После возвращения поэта на родину в одной московской газете писали: «Маяковский открыл не только Америку, но и новые качества в себе. Маяковский вернулся в Москву не прежним. Американские наблюдения пробудили в поэте качества социолога, экономиста и политика... Обретя новые качества, Маяковский не потерял своих прежних».

Из «прежних» его качеств главным и неизменным оставался советский патриотизм. Глазами советского патриота смотрел он на мир, «открывая Америку».

С интересом слушая доклад Маяковского о литературной и культурной жизни Америки, если только можно назвать докладом образную, остроумную и полемически страстную, перемежающуюся стихами речь поэта, мы чувствовали, как преисполнен он гордости за свою Родину.

В те годы страна наша ускоряла темпы строительства социализма. XIV съезд партии взял курс на индустриализацию. Вокруг только и слышны были деловые разговоры о планах и задачах, о финансах и строительстве...

Был чудесный весенний день. Маяковский, только что приехавший в Тбилиси, стоял перед оперным театром и смотрел на освещенную солнцем Мтацминду. Вскоре он был окружен грузинскими писателями. Незамет-

но в беседе и шутках протекало время.

Вечером, когда мы вышли из ресторана и, перейдя ярко освещенную площадь, свернули на узкую бывшую Дворцовую улицу, Маяковский то и дело останавливался перед витринами, внимательно и радостно всматривался в выставленные товары и продукты. На мой вопрос, что его так заинтересовало, он с неподдельным воодушевлением воскликнул:

— Да вы только посмотрите, какие появились товары!

Меня удивили его слова. То, что нам казалось обыденным, ему представлялось особо знаменательным. Позже, уже в последний приезд Маяковского в Тбилиси, когда он читал нам поэму «Хорошо!», я сразу понял, почему Владимир Владимирович в тот день так внимательно всматривался в витрины, и тот момент для меня нераздельно связался с его строками:

Окна
разинув,
стоят магазины.
В огнях
продукты:
вина,
фрукты.
Сыры
не засижены.
Лампы
сияют, —

«Цены
снижены».
Стала
оперяться
моя
кооперация,
Бьем
грошом.
Очень хорошо!

В следующий раз я встретился с Маяковским в Союзе писателей Грузии. Он расспрашивал нас о грузинской поэзии, интересовался обсуждавшимися в то время проблемами освоения пустынных земель Самгори, обеспечения Советского Союза грузинским чаем. Для него не было отвлекенной от жизни творческой темы.

Маяковский был знаком с грузинской группой левых, просил писать в журнал. Возник большой разговор, как осветить пятилетку, какие найти для этого формы.

Он был чужок к товарищам по перу, к их творческим устремлениям. Относился к нашим работам очень внимательно. Восторженно рассказывал нам о новых работах Эйзенштейна, Вишневого, Бабеля, Шкловского. Мы с большим доверием отнесли к его литературным оценкам, потому что всем нутром своим чувствовали его необыкновенное бескорыстие и моральную чистоту.

Запомнилась еще встреча. Я был приглашен нашей известной киноактрисой Нато Вачнадзе на ужин. В тот вечер у нее было много гостей, и среди них — Маяковский. Естественно, речь зашла о кино. Маяковский, неизменно увлеченный сценарной проблемой, строил всевозможные планы, мечтал создать фильмы о незаметном, ничем не примечательном советском человеке, постепенно приобретающем достоинства и новые качества и становящемся во весь рост. Кино, по мнению Маяковского, имеет все возможности показать такой рост человека. Владимир Владимирович читал нам свои новые сти-

хи. Я был не в духе, потому что на следующий день мне предстояло лечь на операцию,

и слушал его молча и хмуро. Маяковский заметил это и вдруг, обращая ко мне, стал читать свои ранние лирические стихи: «Скрипка и немножко нервно», «Хорошее отношение к лошадям» и другие, чтобы как-то расшевелить меня, вывести из подавленного состояния.

В исключительной внимательности Маяковского к людям я убедился еще раз на его вечере в переполненном молодежь залом Тбилисского университета. Один из студентов, сидевший в задних рядах, стал во время доклада поэта что-то нервно выкрикивать. Сами же студенты прервали своего товарища, зашумели вокруг. Маяковский весь поддался в ту сторону, откуда донесся выкрик, и просил дать студенту высказаться. Поэт никогда не оставался равнодушным к чему-либо, если же не был согласен, то решительно вступал в полемику и давал неотразимый отпор. И в этом случае он прежде всего хотел выяснить позицию студента, и тогда уже решить, что и как ответить.

Больше мне не пришлось видеть Маяковского. Я ехал в Харьков, где Котэ Марджанишвили со своим театром ставил и мою пьесу. Я сошел с поезда в Ростове, чтобы купить утреннюю газету; захожу в зал, вижу пассажиров, чем-то подавленных и что-то обсуждающих возле киоска, беру газету, и тут меня как будто чем-то острым полоснуло по глазам. Всматриваюсь в печатный лист и не верю. Да, собственно, и по сей день невозможно примириться с мыслью, что Маяковского физически нет с нами.

Из Харькова театр Марджанишвили поехал на гастроли в Москву. На одном из спектаклей в столице я встретил знакомого писателя из РАППа, некоторое время работавшего в Тбилиси. Он почему-то стал мне доказывать, что рапповцы не повинны в том, что случилось. Мне его слова показались тогда странными, и неприятный осадок от них остался на душе по сей день. Маяковский очень нуждался в том простом человеческом внимании, с каким он сам относился к людям.